

Прищурившись на человека с возмущённым лицом перед собой, Лу Яньси почувствовал, как в нём вспыхнула ярость. Что это за слова: если дед не приедет, это будет пренебрежением к учёным? Что значит отсутствие благородства? Что значит скрытность?

Это было нагловейшее моральное принуждение. Лу Яньси не был чужд таким манипуляциям, но, очевидно, другие на них поддавались. Многие из-за слов мужчины в зелёном начали выражать недовольство, как будто уже были уверены, что Юнь Цзиньюй не появится на поэтическом вечере.

Когда Лу Яньси уже готов был пустить в ход кулаки, он почувствовал тёплое прикосновение на своей руке. Повернувшись, он увидел Ань Цзинсина, который смотрел на него с лёгкой улыбкой. Это мгновенно успокоило Лу Яньси: правильно, нельзя решать всё силой!

Сделав глубокий вдох, он подавил гнев и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Господин, ваши слова несправедливы.

Бесконечный поток слов Ван Сина был прерван Лу Яньси. Остальные, услышав его, повернулись к нему:

— Что вы имеете в виду, господин Ци?

— Разве поэтический вечер не является местом для общения учёных? Здесь, в Чайном доме Ямин, уже собралось множество талантливых людей. Мы с Гу Юанем за это время многому научились, общаясь с вами. Как можно говорить, что мы зря потратили время?

Лу Яньси прищурился, его взгляд, устремлённый на Ван Сина, излучал опасность, но улыбка на его лице не исчезала.

Для окружающих Лу Яньси оставался тем же мягким человеком, но только Ван Син мог почувствовать опасность в его взгляде. Ван Син, ощущая этот взгляд, почувствовал, как его ноги подкашиваются, и он не смог продолжить.

— Но... мы ведь все приехали ради старейшины Юнь. — Ван Син не осмелился говорить дальше, но те, кого он подстрекал, ещё не поняли сути и продолжали возмущаться.

— Старейшина Юнь никогда ничего не обещал. Изначально поэтический вечер в Чжанчжоу был просто местом для общения учёных. Старейшина Юнь, будучи любящим таланты, приходил, чтобы поделиться знаниями. Если в этом году он не сможет прийти из-за здоровья, то всё будет как раньше. Как можно говорить, что мы приехали специально ради него?

Лу Яньси взглянул на говорившего и заметил, что лицо ему знакомо. Несколько дней назад он общался с Цзинсином. Теперь же стало ясно, что, хотя человек был неплохо образован, он был слишком глуп, вероятно, заучился.

— Господин Ци прав, — в этот момент Янь Цзыюй пошевелил веером, подхватив слова Ци Чи. — Если бы старейшина Юнь был здоров, он бы не хотел нас разочаровать. Как ученики, не заботящиеся о здоровье учителя, мы были бы непочтительны. Сто добродетелей начинаются с почтения к родителям. Вы ведь не хотите стать непочтительными людьми?

«Один раз учитель — на всю жизнь отец». В глазах древних учитель, передающий знания, занимал такое же место, как и родители. Слова Янь Цзыюя о «непочтительности» были резки, но справедливы.

Ань Цзинсин, видя, что Ван Син собирается снова заговорить, прищурился и добавил:

— Старейшина Юнь имеет множество учеников по всему миру, а осенние экзамены уже близко...

Он не закончил фразу, но она произвела большее впечатление, чем если бы он сказал всё до конца. Действительно, у Юнь Цзинъюя было множество учеников, многие из которых занимали высокие посты, включая экзаменаторов на осенних и весенних экзаменах. Если их слова из Чайного дома Ямин дойдут до ушей этих людей...

При этой мысли каждый почувствовал дрожь и с благодарностью посмотрел на Ань Цзинсина:

— Господин Юй прав.

— Да, господин Ци говорит верно. Мы собрались здесь со всех уголков страны, чтобы обмениваться знаниями. Возможность пообщаться с такими талантливыми людьми уже является большой удачей.

— Старший сын клана Юнь унаследовал мудрость старейшины Юнь. Если старейшина не сможет прийти, мы всё равно получим его наставления через него.

Тут же те, кто ещё недавно возмущался, сменили тон, начав льстить друг другу, как будто те, кто говорил о «пренебрежении» и «высокомерии» клана Юнь, были не они.

«Много благородства среди мясников, а предатели часто среди учёных». Древние не обманывали. Лу Яньси, слушая эту лицемерную болтовню, внутренне усмехнулся и внезапно потерял интерес к пребыванию в Чайном доме Ямин.

Когда он уже подумывал уйти с Ань Цзинсином, из угла раздался громкий звук:

— Хм!

Этот звук был достаточно громким, чтобы его услышали почти все в Чайном доме. Он прервал поток лицемерных комплиментов, и все повернулись к углу, выражая недовольство, но не осмеливаясь сказать что-то.

Лу Яньси, наблюдая за их реакцией, приподнял бровь. Кто этот человек, который мог вызвать такую реакцию у этих самодовольных аристократов?

В этот момент в помещении раздался звук катящихся колёс. Посмотрев в сторону звука, Лу Яньси увидел, как из комнаты выкатили молодого человека в голубом шёлковом халате. Да, именно выкатили — под ним было нечто, что Лу Яньси знал, но не был знаком лично: инвалидное кресло.

За все годы, проведённые в Сиюане, Лу Яньси впервые видел такое. Раньше в его окружении не было людей с ограниченными возможностями, поэтому он не сталкивался с этим.

— Господин Е?

Янь Цзыюй нарушил тишину, глядя на молодого человека, которого выкатили, и приподнял бровь, выражая удивление.

— Господин Янь, — Е Юйхэн, услышав голос Янь Цзыюя, слегка кивнул и опустил глаза, не говоря больше ни слова.

— Господин Е, как ваше здоровье? — Янь Цзыюй не был обижен на холодное отношение Е Юйхэна. После того случая он стал таким — равнодушным ко всем.

— Нормально, — Е Юйхэн, казалось, не заметил заботы в голосе Янь Цзыюя, снова ответил односложно, даже не взглянув на него.

Янь Цзыюй хотел спросить ещё что-то, но человек, толкавший кресло, вышел вперёд и поклонился:

— Сегодня господин уже долго был на ногах, вероятно, устал. Если у вас есть вопросы, задайте их в другой раз.

Е Юйхэн не возразил, видимо, так и думал. Янь Цзыюй, видя это, не стал настаивать, взглянул на человека и покачал головой:

— Тогда, господин Е, прошу вас.

Е Юйхэн даже не удостоил Янь Цзыюя ответа, продолжая смотреть на свои колени, пока его выкатывали из Чайного дома Ямин. Через полчаса после его ухода в чайном доме снова завязались разговоры, и теперь их темой был Е Юйхэн.

Лу Яньси, слушая сплетни, узнал многое: например, что Е Юйхэн был странным, что он был злопамятным, что его положение в клане Е было непростым. В общем, ничего хорошего...

— Этот господин Е? — Судя по тому, что произошло, Янь Цзыюй, очевидно, знал больше. Лу Яньси, послушав немного, решил спросить напрямую.

— Юйхэн раньше был другим. — Янь Цзыюй, кажется, знал, о чём спросит Лу Яньси, и покачал головой, его голос был полон сожаления. — Раньше он был добрым, и его все любили. Раньше...

Лу Яньси, слушая описание Янь Цзыюя, приподнял бровь. Ему было трудно связать того холодного человека с тем, кого описывал Янь Цзыюй. Это был один и тот же человек?

— А его ноги? — Ань Цзинсин сразу заметил неладное и задал ключевой вопрос.

Услышав вопрос, Янь Цзыюй вздохнул, и на его лице появилось выражение гнева. Лу Яньси впервые видел такое на лице Янь Цзыюя.

Янь Цзыюй был, по сути, мягким и воспитанным человеком. В отличие от Ань Цзинсина, который родился в королевской семье и с детства был окружён аурой власти, Янь Цзыюй был истинно мягким человеком. Даже в самых сложных ситуациях он мог сохранять улыбку. Лу Яньси понимал, что это было проявлением безразличия. Независимо от того, был ли это аристократ или добрый человек, все они обладали этой чертой — они не заботились о других, поэтому оставались спокойными.